

«Я должна быть „островком спокойствия“». Как белгородские волонтеры помогают людям, бегущим от обстрелов

С 1 июня в Белгороде пункты временного размещения стали принимать людей из обстреливаемых территорий Белгородской области. Сейчас там находятся более 8 тысяч человек. В ПВР круглосуточно работают волонтеры из разных организаций. Одна из них — «Новое поколение» Андрея Скоча. Алиса Вергун узнала у двух волонтеров об их мотивации, обстановке в ПВР и эмоциональном состоянии после такой работы.

Виктория Мордовина, заместитель председателя БРОО «Новое поколение» по медиа и связям с общественностью, волонтер в ПВР

— Нам написали в общий чат активистов организации «Новое поколение» и попросили о помощи. Сказали, что в ПВР сейчас довольно сложная ситуация и не хватает людей. Я поняла, что не могу оставаться в стороне. Если моя помощь нужна — значит, я там буду.

Мы решали разные задачи: сначала искали кота (эвакуированной женщины — прим. Ф.), которого, к сожалению, до сих пор не поймали. Потом мы кормили бродячую собаку, которую кто-то подобрал на улице в Шебекине и увезли из-под обстрелов. Мы раздавали воду людям, которые стояли в очереди на регистрацию в ПВР под солнцем в жару. Кто-то занимался регистрацией, размещением, гуманитарной помощью.

Люди везде нужны. Изначально я шла туда часа на два-три. Но когда я пришла — поняла, что так рано не уйду. Потому что ты пытаешься выйти, а тебя перехватывают по пути и просят помочь, просто потому, что больше некому. Ты остаешься и помогаешь — тебя никто не заставляет, это просто твой выбор.

Что касается атмосферы в ПВР: визуально кажется, что всё нормально. Дети довольно спокойные, они смеются, радуются, с удовольствием играют в игры, бегают с аквагримом. Но ты замечаешь, какие слова иногда мелькают...

Например, среди игры ребёнок может спокойно начать рассказывать о том, как обстреливали его дом. Пока вы раскрашиваете раскраску, он говорит о том, что его дома больше нет. Взрослые тоже переживают, естественно, но стараются детям это не показывать, быть с ними более уверенными и спокойными. При этом никто не притворяется, что всё хорошо — все просто трезво оценивают ситуацию. Атмосфера в ПВР поддерживающая: все готовы друг другу помогать.

Большую часть времени я сидела с детьми. Мы сразу оказались в игровой зоне, а потом уже нельзя было уйти, потому что детей становилось всё больше и больше. С ними нужно было играть, развлекать их и отвлекать. Потом мы рисовали деткам аквагрим — я делала это впервые в жизни. Вроде бы, ребятам даже понравились результаты.

Когда дети рассказывают тебе, что они пережили, ты не знаешь, как реагировать на это. Я поняла, что их вообще нельзя спрашивать о прошлом. Потому что я спрашиваю, например: «Какой у тебя любимый предмет в школе?», ребёнок сначала отвечает на вопрос, а потом начинает рассказывать, как они учились дистанционно во время бомбёжки, например. Или, например, я спрашиваю у девочки, в каком она классе. Она говорит, что закончила четвёртый, у них должен был быть выпускной, но в итоге его не было, и начинает объяснять почему. Рассказывает про место, где они хотели отмечать выпускной, и что этого места уже нет.

Я поняла, что нужно стараться на нейтральные темы говорить: о мультиках, например. При этом им важно выговориться: если они сами говорят, значит, они хотят рассказать об этом. Всё, что ты можешь сделать — просто их выслушать и максимально постараться показать своё к ним расположение, поддержать их в моменте. Слова здесь вообще не помогут.

Эмоциональное состояние во время работы у меня было нормальное: я была максимально сконцентрирована на том, что мне нужно делать: я должна улыбаться, мне нельзя быть расстроенной, ни в коем случае мне нельзя

плакать. Я должна нести позитивную энергию, быть «островком спокойствия». Но после смены непривычно видеть в автобусе обычных людей, которые едут по делам, которым есть, куда ехать, у которых нет страхов. Ты с ними едешь и понимаешь, что они, возможно, даже не знают, что происходит в соседнем здании.

Ты выходишь из автобуса и видишь людей, которые живут обычной жизнью: кто-то радуется, кто-то гуляет, кто-то занимается своими делами. Видишь на улице кота и думаешь: «Не этот ли кот сбежал из ПВР?». Это очень странно. Я привыкла идти и держать в кругу внимания всех людей рядом, потому что кажется, что каждый из них может обратиться ко мне за помощью. Я была в ПВР всего две с половиной смены, но этот опыт сильно отпечатался на восприятии.

Дарья Орел, активист БРОО «Новое поколение», волонтер в ПВР

— Я решила стать волонтером в пункте временного размещения для эвакуированных из города Шебекино, потому что мне очень важно знать, что я причастна к помощи людям в такое тяжёлое время. Одним из самых быстрых и действенных способов помощи оказалось волонтерство в ПВР.

Я проработала в ПВР две смены. Первая смена длилась с семи утра до двенадцати дня. Вторая — с семи утра и почти до трёх часов дня.

У нас было много зон ответственности. Сначала я играла с детьми, потом перешла в зону на улице — там была большая очередь для регистрации людей. Я отвечала на вопросы, провожала людей до столов регистрации. Стояла, проверяла браслеты, чтобы не входили посторонние люди.

Ещё есть работа в пунктах выдачи и приёма гуманитарной помощи. Там очень много задач: начиная от того, что нужно считать количество свободных мест, до поиска котиков (сбежавших домашних животных)

эвакуированных жителей — прим. Ф.), расселения людей, помощи постоянной. Много организационных моментов.

ПВР — всё равно что маленький город. В некоторых зонах суетно из-за волонтеров, которые вечно куда-то бегут, кого-то куда-то отправляют. В других — спокойно: люди сидят со своими домашними животными, кто-то выходит прогуляться, кто-то болтает. Атмосфера оживлённая: люди живут, у них всё кипит, они решают серьёзные вопросы.

Эвакуированные люди в ПВР находятся в разном состоянии. Кому-то очень тяжело переносить стресс в жизни, они переживают и могут быть даже агрессивными. Могут быть громкими, могут срывать на волонтеров. Волонтеры, конечно, ни в чём не виноваты, и мы всегда стараемся таких людей успокоить, сделать так, чтобы они были в порядке.

В большинстве своём люди очень позитивные, благодарные, хотят поговорить. Правда, это редкость, когда кто-то негативно проявляет свои эмоции. Большинство людей очень даже спокойные, собранные и доброжелательные.

Я слышала непростые истории эвакуированных людей. Тяжелее всего, когда о смертях и выстрелах рассказывают дети. Взрослые, в основном, стараются идти дальше в тех условиях, которые им даны сейчас. Сложно смотреть на пожилых людей, иногда они оказываются в очень непростых ситуациях. Хочется с ними поговорить, отвлечь.

Волонтеры в ПВР — такие же, как и я, студенты. В основном, в возрасте от 18 до 22 лет. И пятнадцатилетние волонтеры тоже были — я так понимаю, это школьники и студенты колледжей. Что касается мотивации волонтеров: это очень добрые люди, которые всё готовы делать за благодарность, за счастье на лице людей. Ими движет только добро. Я восхищаюсь ими. Даже я, наверное, не настолько добрая, как они.

После волонтерства в ПВР мне стало намного страшнее. Теперь, когда слышу взрывы, я каждую минуту думаю, что прилетит и в нас. Потому что Шебекино находится не так уж и далеко (на расстоянии 30 километров от Белгорода — прим. Ф.).

Я всё так же хочу помогать людям. Когда ты видишь десятки молодых ребят и девчонок, которые бегут подавать заявки на волонтерскую смену, чтобы отстоять семь, восемь, десять часов и помогать за спасибо, за улыбку — это очень вдохновляет. Что я думаю: я рада, что я жива, что мои родственники живы, что у меня есть ещё время, ещё шансы. Меня ждёт мир.